На вопросы редакции отвечает
заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор Леонид Витальевич ГОЛОВКО

НАМ НУЖНО ОПРЕДЕЛИТЬСЯ С МОДЕЛЬЮ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Член Ученого совета юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член Диссертационных советов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Института государства и права РАН; член НКС при Верховном Суде РФ, Генеральной прокуратуре РФ, Следственном комитете РФ.
В качестве приглашенного профессора (*visiting professor*) читал лекционные и специальные курсы в российских и зарубежных университетах; привлекался Конституционным Судом РФ в качестве эксперта для дачи заключений по конкретным делам.
Член Международной ассоциации уголовного права (*AIDP*), Общества сравнительного законодательства (*Société de législation comparée*) (Париж, Франция); Международной научной группы «Участие непрофессионалов в правоприменении» при юридическом факультете Корнелльского университета (США); международной научной группы «Развитие уголовного процесса в странах Центральной Азии» при Институте восточноевропейского права (Германия); вице-президент Международного комитета франкоязычных пенералистов (*CIPF*) с 2010 по 2020 год.

— Леонид Витальевич, расскажите, пожалуйста, меняется ли сейчас уголовный процесс? Какие важные тенденции Вы бы выделили? Какие уголовно-процессуальные проблемы сейчас особенно актуальны и требуют доктринальной разработки?

— Что касается тенденций развития, то, надо сказать, наш уголовный процесс в постсоветское время находился в состоянии перманентных реформ. Они сменяли друг друга, не всегда была понятна их логика. Если вспомнить последние годы уже нынешнего, XXI века, то это и фундаментальное изменение следствия путем создания Следственного комитета, и реформы судебных инстанций 2010–2013 годов, затем 2018–2019 годов, и распространение суда присяжных на районные суды, и многие другие. На мой взгляд, только в последние два года возникло ощущение некой стабилизации, попытки отойти от реформ как метода управления судебной системой, чтобы немного задуматься, остановиться и присмотреться, к чему

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

мы пришли. Хотелось бы, чтобы это ощущение сохранилось, потому что ни доктрина, ни практика не могут развиваться в условиях постоянной реформы. Сейчас они живут этими реформами и направлены только на адаптацию к ним, не имея возможности работать глубоко над какими-либо вопросами.

Второй концептуальный момент заключается в том, что нам требуется определиться с моделью уголовного процесса для дальнейшего его развития. Получилось так, что наш процесс крайне эклектичен, но не столь удачно, как, например, смешанная модель континентального процесса, придуманная французами, где есть концептуальная составляющая. Структура нашего процесса совершенно хаотична, многие институты противоречат друг другу, непонятна общая концепция. Например, мы в свое время отказались от закрепления фундаментального принципа континентальной модели — принципа материальной истины, или всестороннего полного и объективного расследования и рассмотрения дел, хотя это системообразующая основа нашего процесса. При этом вся наша уголовно-процессуальная инфраструктура осталась на нем построена. Таким образом, возникает противоречие между принципами и инфраструктурой процесса. Естественно, его надо снять. На более локальном уровне мы видим, насколько противоречиво судебное разбирательство по той же причине отсутствия единой концепции его организации. Есть, например, американская модель, континентальная модель. У нас и не та, и не другая. Нет единой логики. Например, мы могли бы отталкиваться от принципа активной роли суда, принципа материальной истины, и из них вытекало бы определенное строение ориентированного на профессиональный суд судебного следствия и ориентированных на стороны судебных прений. Или гипотетически могли бы пойти по пути окончательного разделения процедуры доказывания между обвинением и защитой, но тогда и роль суда изменится, поскольку такой подход мало совместим с идеей профессионального суда, обязанного вынести сложный и юридически мотивированный приговор, — он развивался как отражение концепции непрофессиональной юстиции, дающей по существу спора односложный и немотивированный ответ «да» или «нет». Пока можно отметить, что в нашем процессе есть противоречия, связанные с не вполне удачной трансплантацией в него элементов англо-американского процесса, механически наложенного на исторически сохранившуюся инфраструктуру процесса континентального.

Я бы обратил внимание еще на одну проблему, к которой должен присмотреться законодатель, переведя дыхание после реформ, — это прокурорский надзор. В 2007 году он был резко ослаблен в пользу Следственного комитета. В значительной мере прокурор сейчас обезоружен. Это приводит к хаотичным действиям в рамках расследования. Например, прокурор получает дело по окончании предварительного следствия и, прежде чем поддерживать обвинение, должен проанализировать все материалы дела. Нередко прокурор не согласен со следователем, но если раньше он мог прекратить дело своей властью, то теперь не может. В итоге он не хочет утверждать обвинение, но и прекратить дело не в состоянии, а вынужден возвращать дело следователю для производства каких-то следственных действий, которые, может быть, и не нужны, следователю непонятны, но следователь их производит и направляет дело обратно прокурору. Следователь не может направить дело в суд, минуя прокурора, а прокурор не может это дело прекратить, и в результате возникает настольный теннис. Это идет во вред и срокам производства, и правам граждан. Такие проблемы вытекают из общей непродуманности идеи прокурорского надзора, в том числе в связи с неясностью концепции уголовного процесса.

Возникают и новые вопросы. После пандемии можно сказать, что законодатели всех стран пересекли некую красную линию по использованию технологий в уголовном процессе. Теперь дистанционное участие в процессе признается равнозначным и взаимозаменимым с физическим. На деле это не так. Мы прекрасно понимаем, что эмоционально судья по-другому воспринимает ситуацию, когда он видит живого человека вместо изображения на экране. Сейчас начинается практически борьба за право обвиняемого участвовать в судебном разбирательстве, за право *физического* доступа к суду. Отдельные страны уже откликаются на эту проблему. Например, во Франции на уровне Конституционного и Государственного советов признали, что нельзя навязывать лицу дистанционное участие ни в каких случаях, включая пандемии. Мы до этого пока не дошли. У нас, наоборот, в 2022 году принят Закон № 610-ФЗ[1] о том, что можно, помимо воли человека, по непонятным причинам отказывать обви-

[1] Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

няемому участвовать в судебном заседании, оставляя его в СИЗО и не доставляя в суд. Это очень спорно, так как качество судебного разбирательства в случае, когда человек лично участвует и суд видит живого человека, несоизмеримо со случаем, когда для суда это некая абстракция. Американцы провели интересное социологическое исследование и установили, что есть прямая корреляция между размером залога и дистанционным или личным участием человека в заседании. Размер залога при дистанционном участии всегда выше. Как только суд видит человека вживую, размер залога снижается, поскольку он чувствует свою ответственность, включается эмоциональная составляющая. Проходить мимо этого явления современная правовая наука не может. Может показаться, что это частная проблема, но она крайне важная, выходящая на уровень фундаментальных принципов судебного разбирательства.

— Может, для нас дистанционное участие более приемлемо потому, что страна очень большая?

— В какой-то мере да, но в этом вопросе была интересная эволюция: первоначально дистанционная форма участия появилась в апелляции, в период, когда в силу неудачности одной из реформ 2013 года ВС РФ получил апелляционные полномочия и стал апелляционной инстанцией для судов субъектов РФ. В такой ситуации понятно, что если первая инстанция в Приморском крае, а апелляция в Москве, то никакие свидетели не доедут и никакого обвиняемого не привезут. Сейчас с ВС апелляционную функцию сняли, апелляция перенесена на региональный уровень, в апелляционные суды общей юрисдикции, поэтому географический фактор стал не столь значителен, как в 2013–2019 годах, но дистанционность осталась, стала привычной. Тут и кампанейщина, как всегда, играет большую роль, включаются экономические факторы. Но все-таки правосудие не та сфера, где мы должны жертвовать ценностями в угоду развития экономики. Поэтому в увлечении развитием цифровой экономики не надо доходить до абсурда. Граница между экономикой и правосудием должна быть четко проведена. Мы же видим и по конкретным делам, к чему это приводит. На практике есть дела, когда суд сначала признает невозможность доставления лица в суд, распоряжается о дистанционном участии, а затем при открытии судебного разбирательства администрация СИЗО рапортует, что обвиняемый по непонятным причинам не хочет выходить из камеры или плохо себя чувствует. Судья не имеет возможности проверить эти факты, лично выслушать обвиняемого, ведь он уже высказал позицию об объективной невозможности его доставления в суд, а к монитору обвиняемый не выходит. В такой ситуации дело фактически слушается заочно, что незаконно, поскольку такого основания для заочного рассмотрения нет, не говоря уже о том, что плохое самочувствие требует приостановления судебного разбирательства, поскольку больной человек не должен участвовать в нем ни очно, ни дистанционно. Хочется, чтобы высшие инстанции пресекли такую практику, но это, по сути, сведет на нет дистанционное участие без согласия самого подсудимого, что лучше, конечно, сделать на уровне закона, преодолев «цифровой радикализм» законодателя, нашедший отражение в Законе № 610-ФЗ.

— Тема этого номера посвящена злоупотреблениям в уголовном процессе. Что считается такими злоупотреблениями? Кто может злоупотребить и есть ли важные различия между злоупотреблением правом в гражданском, арбитражном процессе и в уголовном?

— Надо принципиально отличать злоупотребление от других нарушений, имея в виду, что злоупотребление — это злонамеренность, а не просто ошибка. При его совершении есть умысел, поэтому мы не можем анализировать это явление как общее применительно к частным и публичным субъектам. Возьмем публично-правовых субъектов (следователь, суд, прокурор). Они находятся под жесточайшим прессом уголовного закона, любое злоупотребление полномочиями — это уголовное преступление, которое влечет специальную уголовную ответственность. Также к ним могут быть применены меры дисциплинарной ответственности, и поскольку они обязаны выносить мотивированные решения, то процессуальная система построена на том, что все их решения подлежат разным видам контроля — прокурорскому надзору, ведомственному, судебному, для судов инстанционному контролю, и эти решения можно оспаривать. Частное лицо находится в иных условиях, оно никакой ответственности за свои действия не несет, может защищаться как угодно, а также совершенно не обязано мотивировать свои решения, оно действует в своей свободной воле. Соответственно и естественно, что решения частных лиц никакому обжалованию не подлежат. Именно в от-

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

ношении действий этих лиц возникает необходимость специальной конструкции, которая очень похожа на гражданско-правовую шикану. Если раньше, лет сто назад, институт злоупотребления правом развивался только в рамках гражданского права, то сейчас в связи с тем, что прав в уголовном процессе становится все больше, возникает необходимость в аналогичной конструкции в уголовном процессе. Мы предоставляем право, но понимаем, что мы его признаем тогда, когда оно используется по своему назначению, для реализации законного интереса, а если правом начинают манипулировать, то должна быть возможность в такой реализации права отказать. Хрестоматийный пример злоупотребления правом в уголовном процессе — затягивание процесса, пользуясь, допустим, правом поменять защитника — поменять не потому, что человек не доволен им, а в целях затянуть процесс и дождаться истечения срока давности по делу. Для этого обвиняемый, например, каждый день приглашает нового защитника. Или другой пример. Когда защитник заявляет ходатайство о допросе свидетеля защиты, то он вправе присутствовать на таком допросе, чтобы проконтролировать, что следователь выполнил ходатайство не формально и по-настоящему допросил свидетеля. Но возник новый феномен: нередко защитник ходатайствует о допросе в качестве свидетеля якобы защиты тех лиц, о наличии которых узнал от обвиняемого и которые в действительности являются свидетелями обвинения, поскольку были, например, очевидцами преступления. Следователь и так их собирается допросить, исходя из своего графика. Адвокат присутствует на таком допросе и, по сути, оказывает на свидетеля психологическое давление, свидетель начинает теряться в присутствии представителя обвиняемого. И преодолеть эту ситуацию можно только через конструкцию злоупотребления правом. Само право легитимно, оно должно существовать, но оно должно использоваться для допроса именно свидетелей защиты, а не для давления на свидетелей обвинения. При такой искаженной форме реализации этого права также возникает проблема с тайной следствия, так как, присутствуя на допросе, защитник получает дополнительную информацию, которую в иных условиях он бы получил при ознакомлении с делом по окончании следствия. Единственной внятной концептуальной основой для отказа в удовлетворении ходатайства о допросе свидетеля в таком случае, чтобы это не было произволом, будет обоснование того, что имеет место злоупотребление правом, для чего следователь должен показать логику такого злоупотребления. Это не всегда просто, требует культуры правоприменения, но такие техники необходимы, так как для частных лиц нет и не должно быть никаких иных механизмов, ни административных, ни дисциплинарных, для ограничения реализации их прав.

— Когда мы говорим о злоупотреблении правом в гражданском процессе, то можем сослаться на ст. 10 ГК. На какую норму можно ссылаться в уголовном процессе при выявлении злоупотребления правом, дабы его пресечь?

— Общей нормы пока нет. Конструкцию злоупотребления правом в уголовном процессе потихоньку начал разрабатывать Пленум ВС в 2015 году[2]. Можно на него сослаться, помимо доктринальных источников. Вероятно, сейчас мы дозрели до того, чтобы подумать о введении чего-то аналогичного ст. 10 ГК и в УПК. Понятно, что будет много споров, будут бояться злоупотребления использованием норм о злоупотреблении. В любом случае доктринально возможность выявления и пресечения данного явления в уголовном процессе уже реализована. Есть примеры в области сравнительного правоведения: например, Швейцарский УПК 2007 года, вступивший в силу в 2011 году, уже содержит конструкцию злоупотребления правом. Чем больше прав, тем больше риск злоупотреблений, но это не значит, что нужно ограничивать права как таковые, нужно пресекать злоупотребление ими.

— А у французов есть такая норма в Уголовно-процессуальном кодексе?

— Нормы нет, но у них вообще кодекс довольно консервативный, его структура немного другая, чем у нашего, но сама идея о недопустимости злоупотреблений правом у французов есть. У них вообще нет и не было норм о принципах уголовного процесса. Относительно недавно в УПК появилась очень краткая преамбула, где указаны некоторые основные принципы без детализации, но тут же возникли споры о том, какова ее роль — это декларация или нормы более высокого уровня, как их расценивать с позиции конституционной иерархии источников права? Преамбула вызвала

[2] Постановление Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

колоссальную полемику, например в поиске ответа на вопрос, чем декларация отличается от учебника и нужна ли она в законе.

— На практике часто ли можно встретиться со злоупотреблением правом в уголовном процессе?

— Это не экзотика. Возьмем норму о злоупотреблении полномочиями должностных лиц — это нередкий состав преступлений. Если рассматривать злоупотребления частных лиц, то затянуть процесс, предъявляя множество ходатайств, — довольно типичная история.

— Часто ли на практике ссылаются на норму Постановления Пленума 2015 года?

— На нее ссылаются, конечно, она не мертвая, хотя наш правоприменитель и доктрина предпочитают более очевидные конструкции, прямо прописанные в законе механизмы. Например, если обвиняемый дал показания в ходе предварительного расследования без защитника, он может отказаться от этих показаний в суде и их будет невозможно огласить, даже несмотря на то что он сам добровольно отказался от участия защитника. Понятно, что эта норма была введена, чтобы простимулировать следователя на привлечение защитника, и она работает. Но возникла другая проблема, когда обвиняемые стали манипулировать этим правом, отказываться от защитника и тут же через небольшой промежуток времени, буквально сразу после допроса, его обратно приглашать. Для борьбы с таким злоупотреблением появилась норма о том, что отказ от защитника необязателен для следователя и суда, они могут его принять или нет. Такой конкретный механизм, конечно, проще применять, чем выведенный из общих норм механизм пресечения злоупотребления правом. Но если мы будем на каждый случай прописывать подобную норму, то Кодекс будет перегружен. Я сторонник того, что надо учиться и уметь пользоваться общими нормами права.

— Сохраняется ли обвинительный уклон в нашем уголовном судопроизводстве?

— При рассмотрении этого вопроса надо учитывать два аспекта. С одной стороны, я бы сказал, что мы видим обвинительный уклон в решениях судов в значительной мере потому, что уголовный процесс построен на системе стадий и процессуальных решений и о нем вообще невозможно рассуждать, не принимая эту систему во внимание. Дело оказывается в суде, пройдя огромное количество стадий, и надо смотреть, сколько у нас отказов в возбуждении дел, сколько дел прекращено в ходе расследования: в ходе судебного разбирательства не так мало дел прекращается по тем или иным причинам. Когда все же дело доходит до судебного разбирательства и все эти фильтры пройдены, понятно, что статистическая вероятность оправдательного приговора крайне низкая. Для большинства людей, думаю, гораздо приятнее не оправдание, а чтобы в принципе отказали в возбуждении дела. Устраивать кампанейщину для выравнивания этих цифр непродуктивно. Я считаю, что это даже опасно, так как если мы будем ставить государственной системе задачу исключительно по увеличению процента оправдательных приговоров, это приведет к перекосам и вместо вынесения справедливого решения система будет добиваться установленных показателей. Не случайно французы в статистике сравнивают количество официально зарегистрированных заявлений о преступлении и количество обвинительных приговоров по ним. При таком подходе мы получим совсем другой результат, если увидим, что на 100% зарегистрированных заявлений лишь очень небольшой процент обвинительных приговоров. Но что действительно тревожит, так это нормативная обвинительная линия, которая проявилась в результате нарушенной логики состязательности, заложенной в наш процесс. Мы объявили всех субъектов, кроме суда, стороной обвинения (прокурор, следователь) и тем самым вложили в них совершенно ложную институциональную программу. Я сторонник того, что расследование должно быть всесторонним и полным, следователь должен изучить все факты за и против, тогда мы получим правильную картину. Объявив следователя, прокурора стороной обвинения, мы создали у них неверную установку, что они во что бы то ни стало должны доказать виновность. Что же это за состязательность такая, когда вся государственная система на стороне обвинения? В суде обвинитель может состязаться с защитой на равных только потому, что он уже не властен над делом — суд принял эту власть. Я бы исправил эту ситуацию, принципиально ее переформатировав: следователь расследует дело, никого априори не обвиняя, в одинаковой мере закладывая разные варианты итогов расследования — как его прекращение, так и передачу в суд. Только в суде стороны обвинения и защиты объективно равны в безвластии,

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

обвинение тоже может только о чем-то просить суд, как и защита. То, что есть сейчас, — это какое-то вульгарное представление о состязательности.

— Может ли исправить эту ситуацию введение института судебного следователя или следственного судьи?

— Нет, это не поможет, так как следственный судья — это тот же самый судья, который есть и сейчас. В процессе и сейчас судья в значительной мере привлекается на стадии расследования. Судебный контроль не меняет структуру следствия, так как дело остается у следователя, а суд на этом этапе действует фрагментарно. Во Франции дело находится в производстве следственного судьи, т.е. это судья не контролирующий, а расследующий, и это как раз говорит о том, что следователь не сторона, потому что судья не может быть стороной. В этом проявляется принцип активности суда, в том числе в предварительном следствии. У нас же просто создана модель судебного контроля над расследованием. Сейчас мы принципиально исходим из того, что любой судья может заниматься уголовными делами, специализация опасна, она приводит к тому, что судья срастается со следствием и это деформирует его функции. Так что не имеет значения, будет ли у нас специально выделенный судья для судебного контроля за следствием или это будут разные судьи, поскольку это судья не расследующий, а контролирующий. У судебного контроля есть свои объективные границы. Его, говоря медицинскими терминами, «побочный эффект» в том, что при прокурорском надзоре отказов в удовлетворении обращений за арестом было значительно больше, чем при судейском, потому что прокурор знал материалы дела. Когда следователь сейчас приходит к судье за арестом, судья ничего о деле не знает, он как билетерша в театре: в спектакле не участвует, только билетики отрывает. Естественно, суд может подойти к рассмотрению ходатайства следователя либо формально, либо по сути, но в последнем случае он фактически перейдет к решению дела по существу, а следствие еще не закончено. Возникает тупик. Судебный контроль такого типа всегда фрагментарен, никого не устраивает, его все критикуют. По сути, судья чаще всего может отказать в удовлетворении ходатайства об аресте только по формальным основаниям, так как он не контролирует дело, в отличие от прокурора, который за делом наблюдал сплошным образом. Прокурор постоянно был рядом со следователем. В литературе приводилась статистика: в советское время прокуроры отказывали в заключении под стражу примерно в 30% случаев, сейчас судьи в 10%. Французская концепция расследующих судей мне очень симпатична, но она очень сложна в реализации, поэтому я далек от идеи о том, что сейчас у нас можно было бы внедрить ее. Это технологически очень сложно.

— Сказывается ли СВО на ординарных уголовных делах? Как именно, если да? Есть ли в других правопорядках примеры, когда помилование убийцам давалось в обмен на какие-то услуги государству, например за подвиги на поле брани?

— Давайте разберем этот интересный вопрос. Есть ли примеры? Надо разделить вещи сущностные и их формальную реализацию. В сущностном смысле, конечно, примеры есть. Самый хрестоматийный пример, когда государство на многое идет ради привлечения военнослужащих, — это французский иностранный легион, в который нанимались люди со сложным, часто уголовным прошлым. Для их легализации во Франции придумали интереснейшую конструкцию — они получают так называемую объявленную или декларируемую личность, не имеющую никакого отношения к реальной, и потом, если военнослужащий хорошо себя ведет и в плане дисциплины, и на поле брани, происходит некое слияние реальной личности с декларируемой, т.е. официальное освобождение от груза прошлого. Альтернативой таким конструкциям являются всеобщая мобилизация или всеобщая воинская повинность, тогда необходимость в привлечении в армию «специального контингента» отпадает, что требует отдачи со стороны всего общества.

Если рассматривать формальную реализацию таких конструкций в законодательстве разных стран, то тут тоже есть два варианта. Все, что касается французского легиона, во французском УПК не отражено. Его деятельность регулируется особым законодательством, чаще подзаконными актами, сейчас с ними еще как-то можно ознакомиться, а раньше они вообще были секретными. То есть во Франции эта конструкция не включена в общее законодательное регулирование. Наш законодатель пошел иным путем, и я его в этом абсолютно поддерживаю; кроме того, я был горячим сторонником этого и сильно ратовал за то, что уж если идти по пути поиска неординарных вариантов, то нет смысла прятать их в каких-то секретных инструкциях, а надо

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

отразить их в УК и УПК. Принцип законности должен соблюдаться. Если брать конкретно принятый совсем недавно Закон № 64-ФЗ[3], то он связан со специальным законодательством. Ведь принятый годом ранее Закон № 270-ФЗ[4] удивил нас тем, что он весь сплошь отсылочный. В тот момент было непонятно, как пойдет линия развития этого законодательства — в секретные инструкции или нормальным путем. Надо отдать должное практике, которая продолжила применять общие нормы права, а не этот отсылочный закон, сославшись на то, что возможности его применения нет, пока не внесены изменения в УК и УПК. И вот спустя год такие изменения приняли. Да, ситуация своеобразная, но решена она в нормальном процессуальном регулировании, а не в специальных текстах закрытого типа во французском духе.

По времени принятия Закон № 64-ФЗ также сильно отстал, почти на целый год, от закона 2023 года, потому что были сторонники того, что при введении таких норм надо не забывать о потерпевших и необходимо возместить им вред, который они понесут в связи с досрочным освобождением преступников и обвиняемых. Но тут возникает другая проблема, как минимум в делах небольшой и средней тяжести, которые еще находятся на стадии расследования. Если возмещать потерпевшим вред в связи с тем, что обвиняемый освобождается от ответственности по причине заключения военного контракта, тогда возникают все основания для применения ст. 25 УПК — прекращение дела за примирением сторон. Но тогда у обвиняемого более нет резона заключать особый контракт с Вооруженными Силами. Понятно, что о потерпевшем нельзя забывать, но, чтобы эта норма существовала, в приоритет ставятся публичные интересы, а не интересы потерпевшего. При этом последний может требовать возмещения вреда в рамках гражданского производства.

— Нет ли здесь злоупотребления правом помилования?

— О праве помилования здесь можно говорить лишь в очень общем смысле, поскольку в данном случае применяется не институт помилования, а институты освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания. Мы в целом не лишаем потерпевшего права на возмещение вреда, он может это сделать в гражданском судопроизводстве. Да, ему будет несколько сложнее, так как стопроцентных гарантий, что его гражданский иск будет удовлетворен, тоже нет, но мы не лишаем его этой возможности. Общие пути компенсации ущерба в связи с принятием этих изменений в УК и УПК остаются. Понятно, что всегда существует условный компромисс между правом потерпевшего и обвиняемого при освобождении от уголовной ответственности и от наказания. При этом впадать в другую крайность и абсолютно выравнивать права потерпевшего и обвиняемого, подчиняя все воле потерпевшего, тоже нельзя, причем не только применительно к данной ситуации, здесь все-таки симметрии нет. Приведу любопытный пример, когда наш законодатель несколько увлекся и решил, что условно-досрочное освобождение преступника в некоторой степени несправедливо для потерпевшего, который должен иметь право вмешаться и возразить против такого освобождения. Было решено приглашать потерпевшего в судебное заседание по решению вопроса об УДО, но столкнулись с тем, что иногда потерпевшего через несколько прошедших с момента вынесения приговора лет просто не найти, и это полностью блокирует применение УДО и лишает осужденного стимула к хорошему поведению. Проблема дошла даже до КС[5], который подсказал законодателю, что потерпевший должен оставить контакт в материалах дела, и если его не получится найти по оставленным данным, то получать его мнение не требуется[6]. Во всем должен быть разумный подход. Поэтому блокировать ради потерпевшего применение института освобождения от уголовной ответственности в связи с поступлением на военную службу тоже нельзя. В целом решение законодателя понятное, связано с поиском альтернативы частичной или всеобщей мобилизации. Хорошо, что пошли по пути внесения изменений в УК и УПК. Гораздо хуже было бы, если бы опять спрятались в песок, начали практику введения секретных инструкций, общество бы не понимало, что происходит. Сейчас все прозрачно.

---

[3] Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

[4] Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

[5] Постановление КС РФ от 18.03.2014 № 5-П.

[6] Федеральный закон от 30.03.2015 № 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора».

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

— Часть общества все же воспринимает это решение как злоупотребление правом помилования. Например, когда преступник должен сидеть 15–20 лет за убийство, а его освобождают через полгода и после полугода участия в СВО он получает льготы, выплаты и т.д. К тому же нет гарантий, что он исправился и что, поубивав кого-то на СВО, он стал лучшим человеком. Это кажется несправедливым.

— Участие в СВО не избавляет его от повторной уголовной ответственности, если он что-то совершит после того, как его освободят по этому основанию. А так считается, что он искупил свою вину. Похожая логика была и в штрафных батальонах во время Великой Отечественной войны. К тому же у нас, как и во Франции для иностранного легиона, есть список преступлений, несовместимых с применением такой возможности освобождения.

Меня больше тревожит, что введение такого рода конструкций требует понимания, что на воинскую службу поступает особый контингент, который должен находиться под контролем военной юстиции. Но за последние десять лет военные суды у нас практически разукомплектованы. Особенность военных судов проявляется в двух аспектах. Первый — динамический, когда армия куда-то движется, вся инфраструктура перемещается вместе с ней, включая военные трибуналы или суды, и судьи этих военных судов перемещаются вместе с армией. Этот динамический элемент мы в свое время из закона исключили. Теперь у нас существуют гарнизонные и военно-окружные судебные округа как сугубо статическая категория. Второй аспект проявляется в том, что если боевые действия идут в пределах или за пределами нашей государственной территории, то там тоже должны быть организованы структуры военных судов, и судьи туда следуют, поскольку они являются военнослужащими и не могут отказаться исполнить приказ. А мы сняли с военных судей воинские погоны лет пятнадцать назад в рамках программы по «демилитаризации» военных судов, проводившейся под эгидой Совета Европы. В результате сейчас немыслимо укомплектовать корпус военных судей, особенно поблизости от зоны боевых действий. Решение было непродуманное, и теперь мы столкнулись с его последствиями.

— Требуется ли пересмотр списка преступлений в УК на предмет их реальной общественной опасности? Может быть, какие-то деяния стоит декриминализировать и наоборот?

— Я не могу сказать, что есть какие-то вопиющие составы в УК. Думаю, что если бы они были, мы бы давно обратили на них внимание. Может быть, есть какие-то составы чрезмерно казуистические, дублирование тех или иных норм, примеры ситуативной криминализации, но сказать, что есть какая-то принципиальная заноза, которая является априори вопиющей и требует лечения, не могу. У каждого запрета есть своя внутренняя логика. Понятно, что особенная часть всегда нуждается в постоянной корректировке, нужно стараться, чтобы устаревших норм не было.

— Но хорошо ли принцип пропорциональности наказания за разные деяния соблюдается в нашем УК? Часто обращают внимание, что за тяжелое преступление наказание более мягкое, чем за менее серьезное. Почему так?

— Может быть, здесь не хватает системности. Я вижу в этом такую проблему: классическое уголовное право идет не от преступлений, а от наказаний. Например, французское уголовное право — это право наказаний, вся система отстраивается от них. Наказания разделяются по степени тяжести: смертная казнь, пожизненное заключение (ранее каторга), длительное тюремное заключение и штрафы. Поэтому когда в классических правопорядках думают о криминализации, т.е. новом преступлении, то прежде всего решают, какого наказания оно заслуживает. Таким образом, даже если происходит какой-то дисбаланс, то он небольшой и строится внутри какого-то сектора преступлений. Более того, процесс, форма судебного разбирательства, обязательность по делу предварительного следствия и т.п. могут в конечном итоге зависеть от наказания, о котором идет речь. У нас система часто идет от криминализации деяния, а наказание — забытый ребенок. Все мыслят преступлениями, а пенализация вторична, отсюда и дисбаланс. Например, в советском праве самым тяжелым наказанием за убийство было лишение свободы на пятнадцать лет, а сейчас есть и двадцать, хотя мы движемся по пути гуманизации уголовного права. Наказания надо систематизировать, возможно сгруппировать по категориям преступлений. Система наказаний должна быть дифференцирована. Если у нас четыре типа преступлений (тяжкие, особо тяжкие, средней и небольшой тяжести), то, вероятно, следует

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

создать не общий перечень наказаний, а перечень для каждого типа. Здесь есть над чем думать.

— Верно ли, что за террористический акт с огромным количеством жертв смертная казнь нынче не предусмотрена, а вот за посягательство (всего лишь посягательство!) на жизнь сотрудника правоохранительного органа или государственного либо общественного деятеля, равно как и за убийство только одного лица из хулиганских побуждений, — формально предусмотрена? Как возможно столь вопиющее несоответствие санкций внутри особенной части УК?

— Это все-таки очень конкретный пример, связанный с тем, что УК разрабатывался в первой половине 1990-х или даже конце 1980-х годов, когда ни о каком серьезном терроризме речь не шла, поэтому смертную казнь предусмотрели за те деяния, которые именно в то время мыслились как самые опасные. Потом она оказалась выведена за пределы реальной правовой сферы, поэтому при появлении феномена терроризма никто уже санкции в этом духе не модифицировал. Какой в этом смысл, если смертная казнь все равно не может назначаться? Да и представьте саму постановку вопроса в то время, например после Беслана или «Норд-Оста», и политический резонанс от нее: дескать, законодатель решил ввести за терроризм уголовную ответственность в виде смертной казни. Зачем? Значит, смертная казнь возвращается? Какой бы возник накал дискуссий, в том числе на уровне Совета Европы. Поэтому решили просто сохранять статус-кво, не более того.

— В связи с трагическими событиями 22 марта в «Крокус Сити Холл» опять заговорили о том, чтобы возобновить применение смертной казни. Как Вы относитесь к такой перспективе?

— Я не являюсь принципиальным аболиционистом, понимаю логику государств, которые даже в мирное для себя время сохраняют смертную казнь, но, конечно, и не считаю данное наказание панацеей. Мне кажется, что вопрос о смертной казни в любом случае сегодня понимается несколько иначе, чем сто или двести лет назад, он не столько юридический, сколько политический и скорее относится к сфере символических кодов государства, нежели является реальным инструментом борьбы с преступностью в его более рутинном понимании. Поэтому государства, претендующие на роль сверхдержав, смертную казнь сохраняют (США, Китай), а государства, постепенно и целеустремленно «развинчивающие» свои государственные механизмы, например европейские страны, по определению смертную казнь иметь не могут. Иначе говоря, мы видим, что граница здесь проходит не между Западом и Востоком, условной «демократией» и условным «авторитаризмом» или в аналогичном духе, а совершенно по иному критерию.

Что касается нынешних российских инициатив, то эмоционально они понятны, мы все, конечно, шокированы и возмущены. Наше правосознание также неизбежно меняется и с учетом военного времени, по крайней мере в сущностном его понимании. Но с сугубо юридической точки зрения надо только помнить, что при нынешней конституционно-правовой конфигурации смертная казнь неразрывно связана с судом присяжных, а у него своя специфика: сроки рассмотрения дела, сложность формирования коллегии, непредсказуемость вердикта, его немотивированность и т.п. Готовы ли сторонники восстановления смертной казни к тому, чтобы дело, например, четырех таджикских обвиняемых по теракту в «Крокус Сити Холл» слушалось именно в суде присяжных со всей его спецификой? Вот центральный вопрос, на который требуется дать ответ. Все остальные конструкции требуют более радикальной перестройки не только уголовного, но и конституционно-правового уровня, пожалуй, даже превосходящей по масштабу и сложности конституционную реформу 2020 года. Одним лишь точечным изменением УК, отменой моратория или даже уточнением позиции КС по-иному, т.е. без суда присяжных, данную проблему не решить.

— Интересно, что наш законодатель смертную казнь из УК не вычеркнул, хотя ему ничего не мешало это сделать.

— Мешало, скорее всего, общественное мнение, все чувствовали, что это непопулярное политическое решение, и заблокировали смертную казнь юридическими инструментами. По этой причине она в спящем виде есть в УК и УПК, но с очень существенным конституционно-правовым ограничением.

— Существует ли у нас институт особых мнений судей в уголовном процессе, работает ли он?

— В уголовном процессе всегда была своя специфика. Понятно, мы исходим из того, что особые

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

мнения в высоком понимании нужно рассматривать в русле противопоставления американского и континентальных подходов. Американская юстиция вырабатывала особое мнение, поскольку там судья изначально избирается в рамках двухпартийной системы как представитель партии, определенной ценностной конструкции, поэтому он не может подчиниться решению суда, не обозначив своей личной позиции, так как представляет определенную группу граждан. В отличие от этого подхода континентальная доктрина и практика выработали знаменитый принцип XIX века о деполитизации суда и прокуратуры, которые не могут быть носителями никаких политических мнений и представителями партий. Это заблокировало развитие института особых мнений на континенте. Да, суд уходит в совещательную комнату, но выносит коллективное мнение. В нашем уголовном процессе была другая история. Наш процесс осторожно относился к особым мнениям, признавая факт их существования, но писались они для вышестоящего суда, чтобы обратить его внимание на какие-то нюансы дела. Такие мнения не были часты, и к ним было очень внимательное отношение. Однако если раньше особое мнение писалось, но не провозглашалось и до сторон не доводилось, так как это была не подсказка для написания жалобы, а особое мнение для вышестоящего суда, если дело до него дойдет, то сейчас законодатель пошел на компромисс. Теперь особое мнение не провозглашается, но судья объявляет о том, что оно есть и сторона может с ним ознакомиться. Правда, проблема в том, что законодатель одновременно ввел странную конструкцию, согласно которой такое мнение должно быть изготовлено в течение пяти дней с момента провозглашения приговора суда, т.е. на момент провозглашения решения особое мнение еще не существует. Получается, председатель объявляет о том, чего еще не существует. Другой вопрос в том, что писать особое мнение после провозглашения приговора тоже странно. Кто может заставить судью это сделать? Возможны ситуации, что председательствующий объявляет об особом мнении, а оно так и не появится. Таким образом, сейчас возможность ознакомиться с особым мнением есть, но эти колебания законодателя привели к тому, что этот институт фактически похоронен. Даже если когда-то особые мнения и писались, то сейчас в связи с неудачным регулированием они ушли и стали не актуальны ни для вышестоящего суда, ни для сторон.

— А у французов вообще нельзя писать особые мнения? Вы бы по-французски вопрос урегулировали?

— Я бы сохранил наш старый подход — особое мнение писать можно, оно должно быть написано к моменту постановления приговора и направлено в вышестоящий суд, который должен его учесть. Почему в таком виде особых мнений нет во Франции, но они были в советском праве? Потому что во Франции действует очень жесткий подход: апелляционная инстанция связана доводами жалобы, и даже если будет особое мнение, вышестоящий суд все равно не сможет выйти за ее пределы. При таком подходе наличие особого мнения может создать лишь дополнительные сложности: например, судья напишет в особом мнении, что нет виновности, а сторона обжалует только меру наказания, это создаст недопустимые противоречия. Советское право было построено на ревизионном начале, возможности второй инстанции выйти за пределы жалобы. В таком случае особое мнение как дополнительная страховка может существовать. Если же мы пойдем по пути жесткого ограничения пределов рассмотрения жалобы апелляционной инстанцией, тогда писать особое мнение судье большого смысла нет. Поскольку мы говорим не о высоких особых мнениях, каковы мнения судей КС РФ или ВС США, но о первой инстанции, то этот институт может быть включен только в контекст инстанционного пересмотра дела.

— На уровне Верховного Суда нет смысла писать особые мнения, так как не к кому апеллировать?

— Президиум ВС, как правило, рассматривает дела в порядке надзора, не смотрит на факты, не слушает дела. Но при рассмотрении этого вопроса важно еще учитывать культуру судебных решений. Например, французская культура судебных решений крайне лаконична, особое мнение в нее не вписывается еще и потому, что если мы посмотрим постановления Кассационного суда Франции, то это страничка текста. Их содержание развивает всегда доктрина. Говорить об особом мнении, когда перед глазами страница текста с минимальной аргументацией, странно. А вот американские решения обычно очень большие и подробные, поскольку суды исторически брали на себя и доктринальную функцию и создавали правовую теорию, в отличие от континента Европы, где задача доктринальных разработок решалась университетами. Когда

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

решение занимает сто страниц, то особое мнение на двадцать выглядит понятно.

— Как цифровизация сказывается на уголовном процессе, какие технологии можно было бы внедрить в уголовный процесс, а какие бы не стоило?

— Мы отчасти затронули эту проблему при обсуждении дистанционного участия обвиняемого в судебном разбирательстве. Надо сказать, что у уголовного процесса есть определенная цифровая резистентность. Я, конечно, не имею в виду использование при проведении следственного действия цифровой, а не кассетной видеокамеры или нечто подобное, что даже не требует специального регулирования. Но риски излишнего увлечения технологиями в уголовном процессе очевидны. Вот смотрите, в 2021 году КС рассматривал вопрос, связанный с пересмотром дела, фабула которого началась в 1950-х годах[7]. Шестьдесят с лишним лет прошло. Представим, что какое-то дело началось сейчас, добавим 60 лет — уверены ли мы, что в конце XXI века будут те же технологии, носители, которые мы используем сейчас? В уголовном процессе мы должны понимать, что мы действуем не только ретроспективно, но и перспективно. Специфика уголовного процесса — длинная дистанция, у которой во многих случаях нет даже финальной точки. Мы создаем условия для того, чтобы факты можно было исследовать и через сто лет максимально надежными средствами. Папочка с бумагами пока самая надежная. Кто его знает, что произойдет: сайт изменится, сервер пропадет, произойдет массовое обновление информационных носителей, новая технологическая революция или, напротив, технологическое обрушение, — должна быть папочка. Мы от этого не уйдем. Либо мы рискуем, что через тридцать лет у нас не сохранится ни одного доказательства по делу. И КС нам говорит, что категорически нельзя уничтожать вещественные доказательства, а значит, их нужно хранить физически, не в виде электронных копий. Цифровые технологии создают больше рисков для уголовного процесса, поэтому он должен быть принципиально очень консервативен в этом вопросе. Я думаю, что сама природа уголовного процесса связана с тем, что требует абсолютной надежности информации, гарантий соблюдения прав личности, понимания того, что реабилитация не имеет сроков давности, поэтому за все действия нужно расписаться, все должно быть понятно, а информационные технологии — это что-то сиюминутное, постоянно меняющее свой формат или конфигурацию, принципиально не допускающее даже малейшего застоя. На моей памяти еще были дискеты, казавшиеся верхом прогресса, теперь их ни на чем прочитать нельзя, а ведь прошла буквально пара-тройка десятилетий. Логика цифрового развития и уголовного процесса несовместимы в полной мере. В процессе нужна максимальная надежность и независимость от технологической логики момента.

— Вы хорошо знаете французский уголовный процесс. Что Вы заимствовали бы оттуда, если бы это зависело только от Вас?

— На самом деле все, что можно, мы уже заимствовали. Я бы задумался о восстановлении логики институтов уголовного процесса, и это даже не требует обращения в чистом виде к французскому праву, достаточно — к Судебным уставам 1864 года и советскому праву.

— Раз зашла речь о Судебных уставах, то не стоит ли возродить институт обер-прокуроров, которые состояли при департаментах Сената и давали независимое заключение по делу? Сейчас при Суде ЕС имеется институт Генеральных адвокатов, схожий с обер-прокурорами.

— Институт обер-прокуроров был заимствован из французского уголовного процесса, но его особенность связана с концепцией прокуратуры как таковой. У французов есть магистратура, которая включает два корпуса: сидящую — судей и стоящую — прокуроров. Они до сих пор считают прокуратуру органом судебной власти. Но система прокуратуры у них очень сложная. Прокурор входит, с одной стороны, в ведомство министерства юстиции, с другой — в сферу судебной власти, поскольку по статусу прокуратура независима. Это очень тонкий баланс. Сами французы называют это барочной системой, т.е. системой в духе барокко — очень сложной и противоречивой. Эта система часто непонятна даже ЕСПЧ, который обрушивался на нее с критикой, так как его возмущали эти независимые заключения прокурора, которых, по его логике, не может быть, так как прокуратура — сторона процесса. Но французы говорят, что, как раз напротив, проку-

[7] Постановление КС РФ от 16.12.2021 № 53-П.

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

ратура — это не сторона в процессе. В целом тут не вопрос локального заимствования института, а вопрос о месте прокуратуры в системе, о ее соотношении с судами. Мы не можем интегрировать этот институт в наш процесс локально. Он системообразующий. Отголоски этого французского института мы и видим в Сенате в лице обер-прокурора и его товарищей, которые не рассматривались как стороны, а давали независимые заключения перед кассационным судом.

— При этом в Сенате был и прокурор-обвинитель в том же процессе.

— Если опять-таки посмотреть на французский процесс, то в вышестоящих судах там есть особая прокурорская должность, которая не отождествляется со стороной обвинения, — генеральный адвокат как адвокат правительства, а не сторон, адвокат при кассационном суде. Эта фигура представляет и судебную власть, и министерство юстиции. Надо отметить, что роль министерства сейчас значительно ослабла и французы обсуждают, не нужно ли вообще убрать подчиненность прокуратуры министру юстиции, создав наверху что-то вроде нашего генерального прокурора. В рамках нынешней взаимосвязи с министерством прокуратура реализует общую политику, например усиление борьбы с наркотиками, но она независима в индивидуальных делах: дать ей указание возбудить дело министерство не может. У американцев тоже совмещаются две должности — генеральный прокурор и министр юстиции. У них нет концепции магистратуры, прокуратура — это орган судебной власти. У нас у прокуратуры имеется особый конституционный статус, но концептуальной связи с судом нет.

— Какие перспективы у суда присяжных в России? Что следует с ним делать, в каком направлении развивать? Как реализуется реформа 2018 года?

— Как и следовало ожидать, ничего хорошего в результате реформы не получилось. Реформа, конечно, была неудачная, выводить присяжных на районный уровень было неправильно, так как в России сложная судебная география и у нас есть регионы, где очень трудно эти суды собрать. За шесть лет в некоторых регионах судом присяжных не было рассмотрено ни одного дела, а в некоторых прошло одно «праздничное». Систему создать на этом невозможно. То, что изначально эти суды были на областном уровне, было оправданно. В целом суд присяжных — это система весьма симпатичная, красивая, но проблема в том, что в современном обществе суд присяжных не может быть рутинным способом рассмотрения дел. Каждое дело требует колоссальных организационных усилий. После рассмотрения одного дела все полгода отдыхают. Может быть, есть смысл сохранить суд присяжных по ограниченному кругу дел на уровне областного звена, как он изначально и создавался. Сейчас мы также столкнулись с тем, что изменилось настроение в обществе. Наверное, в отличие от XIX века мы слишком пресыщены новостями и событиями, живем в информационном обществе, поэтому вызвать у людей интерес и собрать их для участия в судебных заседаниях практически невозможно.

— Может, нужно ввести санкции за неявку, отказ от участия?

— Это тоже неправильно. Общество динамичное, хочется, чтобы суд был репрезентативен, а человек может быть действительно занят делами.

— Крестьяне-то русские исправно ходили, когда их назначали в число присяжных.

— Это вопрос к социологам. Видимо, что-то изменилось в самом обществе. Нет ощущения запроса на участие в суде присяжных и признания сакральности этого процесса. Если мы начнем еще и штрафом угрожать, это будет контрпродуктивно. В то же время мы единственная страна в постсоветском пространстве, которая внедрила суд присяжных.

— Грузия, кажется, еще.

— Да, но у них в течение нескольких лет было рассмотрено всего дел восемь, т.е. цифры несравнимы с нашими. Остальные страны постсоветского пространства вообще этот институт не создали или это имитация какая-то. Реформа 2018 года — это был лишний шаг. Ничего путного не вышло, нет инфраструктуры, есть демографическая проблема. А нужно ли ради этого, нередко малозагруженного, суда районного уровня повсеместно создавать инфраструктуру, непонятно.

Например, проблему со ст. 105 УК можно было решить технически, добавив в уголовно-процессуальное

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22

законодательство некоторые специальные положения в отношении суда присяжных для женщин, тогда как их право на суд присяжных в условиях неприменения к ним смертной казни выводили из общих норм крайне сложным путем.

— До революции 1917 года присяжные были в судах окружных, а это, скорее, аналог наших областных судов.

— Конечно, тем более что любой областной центр — это все-таки крупный город, а не деревня, там больше людей, из которых можно выбрать присяжных. Конечно, надо институт судов присяжных сохранить, коль мы так долго его создавали. Их сейчас дискредитировали, так как на уровне районных судов они себя не оправдали, а про областные все уже забыли. И коллегия маленькая — всего шесть человек. И если сохранять этот институт, то нужно ограничить его уровнем областного суда и подумать над его подсудностью. Есть и более узкие проблемы в связи с судом присяжных. Например, проблема технологизации преступности. Не всякая ситуация может быть понята обывателем, а надо, чтобы он, будучи присяжным, в ней разбирался. И надо понимать, что мы не сможем сделать суд присяжных основным способом рассмотрения дела. Это всегда будет узкий круг преступлений. Как, впрочем, и в Англии, Франции, и у американцев, у которых суд присяжных во многом заменил институт сделок о признании.

— Возрождение института судебных заседателей, шеффенский суд могли бы заменить или восполнить недостатки суда присяжных?

— Действительно, несмотря на некоторые недостатки, закон о народных заседателях[8] был вполне приличный. Надо исходить из того, что судья и народный заседатель лучше, чем просто судья. Общественный элемент в судебном разбирательстве нужен. Та же конструкция совещательной комнаты не теряет абсурдность, а сейчас один судья туда уходит просто писать приговор. Без заседателей масса конструкций уголовного процесса подвисает. Я бы этот институт тоже не сбрасывал со счетов. Можно вводить какие-то цензы для списка таких заседателей, расширить информацию, которая предоставляется сторонам о заседателях, чтобы они могли заявлять отводы, исходя из каких-то критериев. По сути, конечно, единоличный суд — это неидеальная конструкция.

— А у французов как?

— У них один или трое судей рассматривают подавляющее большинство дел. Изначально задумывался суд ассизов для преступлений, коллегия из трех судей — для проступков (у них это категория, сопоставимая с нашими преступлениями небольшой и средней тяжести, а иногда и тяжкими) и единоличное рассмотрение — для правонарушений, где бывают только штрафы. Но по делам о проступках также быстро появилось единоличное рассмотрение, сейчас оно доминирует.

— Общество становится богаче, а уголовный процесс упрощается.

— Дел становится больше, и функций у суда становится больше. Сейчас каждый чих требует участия суда, и все его действия можно обжаловать. Это приводит к тому, что законодатель вводит какой-то функционал для суда и тут же начинает его упрощать. Слишком много навешивают на суд, и происходит банализация даже уголовного процесса, не говоря уже об остальных видах судопроизводства.

— Суд как сакральный институт слишком многими вещами не должен заниматься.

— Конечно, иначе это уже не правосудие, а МФЦ. Должен быть баланс, а объем дел растет, например административные дела растут по экспоненте, судьи просто не могут угнаться за ростом нагрузки.

[8] Федеральный закон от 02.01.2000 № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Loaded: 02-06-2024 AMt 00:11:22